

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ, СУДЕБНЫХ И ЮРИДИЧЕСКИХ ОРГАНОВ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ РСФСР В 1941–1944 годах

Правовое регулирование различных сторон жизни советских граждан, вынужденных прожить 2, а то и 3 года в условиях немецко-фашистской оккупации, до сих пор представляет собой одну из исследовательских лагун. В исторической литературе советского периода в основном характеризуются внесудебные, чрезвычайные меры, применявшиеся оккупантами по отношению к гражданскому населению СССР¹. В постсоветский период проблеме структуры и практики применения органов полиции посвятили свои научные исследования С.И. Дробязко и А.В. Карашук², В.А. Пережогин³, А.Ю. Попов⁴, О.С. Смыслов⁵, Б.В. Соколов⁶, С.Г. Чуев⁷. Стремясь раскрыть военно-политический аспект советского коллаборационизма, эти авторы как правило рассматривали борьбу гражданской полиции с партизанами и советским подпольем. Деятельность же судебных и иных юридических структур осталась за рамками их изысканий. Однако после войны по соображениям целесообразности часть юридических актов, вынесенных органами оккупационной администрации, признали действительными, но, по мнению А.Л. Рогачевского, «структура этих органов до сих пор не изучена в должной мере, что может порождать ряд практических проблем»⁸.

Важнейшим органом, обеспечивавшим правопорядок на оккупированной территории, была служба вспомогательной полиции, личный состав которой рекрутировался из местного населения, вставшего на путь коллаборации, советских военнопленных, попавших в окружение бойцов и командиров Красной армии. Практически каждый населенный пункт, начиная с деревень и сел, контролировали полицейские, количество которых зависело от местных условий.

Служба охраны порядка формировалась практически с первых дней оккупации той или иной местности, а в ряде случаев даже до прихода захватчиков. В период отступления Красной армии в обстановке временного безвластия крестьяне, стремясь обезопасить свои семьи и собственное имущество, создавали некое подобие службы порядка, вооружившись подобранным на полях сражений оружием. Германские тыловые службы были поставлены перед необходимостью признания за этими формированиями права на существование.

Однако только 9 января 1942 г. первый оберквартирмейстер Генерального штаба сухопутных сил Германии (ОКХ) Ф. Паулюс издал приказ, уполномочивший командование формировать из местного населения и военнопленных вспомогательные охранные части, так называемые сотни⁹. Директивой Верховного командования вермахта (ОКВ) № 46 от 18 августа 1942 г. «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» командирам сухопутных частей и соединений предписывалось разработать положения о статусе полицейских формирований в тыловых районах¹⁰. В результате такой децентрализации при создании службы порядка органы полиции не имели единой системы руководства, даже назывались в различных местностях по-разному. Так, полиция в г. Орле именовалась народной стражей, в иных областях группы армий «Центр» – службой порядка (Ordnungsdienst – OD), в группе армий «Юг» – охранными вспомогательными частями (Hilfswachmannschaften), в группе армий «Север» – местными боевыми соединениями (Einwohnerkampfverbände)¹¹.

Задачи вспомогательной полиции не были однородными в течение всего периода оккупации. Первоначально на полицию возлагалась лишь охранная деятельность, впо-

* Ермолов Игорь Геннадьевич, кандидат исторических наук, докторант Орловского государственного университета.

следствии – контроль за выполнением приказов германского командования и поддержание установленного им порядка, выявление и задержание всех вновь появившихся лиц, а также коммунистов, партизан и их пособников, выгон населения на обязательные хозяйственные работы, конфискация теплых вещей и т.д.¹² Зачастую в первые месяцы оккупации личный состав гражданской полиции использовали для усиления частей Русской освободительной армии (РОА), а также германских частей во время проведения антипартизанских операций¹³.

Германское командование пыталось упорядочить систему охраны правопорядка, придать ей единообразие посредством издания различного рода инструкций, наставлений, предписаний для местных органов самоуправления. В «Предписании для службы порядка», изданном командованием группы армий «Центр», говорилось, что ответственными за создание службы порядка становились местные комендатуры, действовавшие через городского голову (бургомистра)¹⁴. Здесь же определялись 3 основные задачи службы порядка: содействие при разрешении уголовно-политических задач, что включало «надзор за важными хозяйственными учреждениями, устройство обходной службы для предупреждения воровства, грабежа, поджогов, саботажных и других уголовных деяний»; помощь при разрешении государственно-полицейских задач, включавшую сбор агентурных сведений обо всей деятельности, направленной против интересов Германии; поддержание общественного порядка среди местного населения, в том числе «надзор за порядком уличного движения, контроль топок в жилых помещениях, контроль над очисткой общественных дорог, улиц и площадей селений, содействие при надзоре выполнения предписанных мероприятий, касающихся пропитания и снабжения населения»¹⁵. Однако главной задачей полиции являлась борьба с партизанами¹⁶.

Согласно указанному предписанию для органов местного самоуправления разрабатывались соответствующие рекомендации. Например, в одной из них, предназначавшихся для бургомистров тыловых районов группы армий «Центр», на полицию возлагались следующие обязанности: уголовно-полицейские (преследование и пресечение уголовных проступков); государственно-полицейские (раскрытие и преследование преступлений, направленных против германских частей); охрана общественного порядка (надзор за дисциплиной жителей населенных пунктов, санитарным состоянием улиц, контроль за соблюдением правил дорожного движения, пожарная охрана, караульная служба); особого назначения (содействие германским частям и воинским коллораборационистским формированиям в борьбе с партизанами, воздушно-десантными отрядами РККА, сопровождение продовольственных обозов от крестьянских общин до сборных пунктов)¹⁷.

В ряде местностей центральной России служба порядка имела структуру, определенную задачами входивших в нее отделов. Так, в Клинцовском округе Орловской обл. полиция состояла из отделов: уголовной, государственной полиции, охраны порядка и особого¹⁸. Вскоре ввели 5-й отдел – тюрьмы¹⁹. Соответственно, штатный состав различных отделов был специфичен. К примеру, в 1-й отдел входили начальник, секретарь, делопроизводитель, следователи. 2-й отдел включал штат следователей. 3-й отдел помимо руководства состоял из стражников, несущих постовую и караульную службу, 4-й – городских стражников (резерв), сюда же входили становые приставы, под началом которых служили стражники станов, разбросанных по населенным пунктам, где было возможным появление партизан. 5-й отдел включал так называемый строевой состав – тюремную охрану²⁰.

С целью повышения эффективности работы полиции к концу 1942 г. ей передали функции учета и паспортизации населения, ранее выполнявшиеся городскими и районными управами²¹. О.С. Смыслов привел иную градацию личного состава вспомогательной полиции: «вне сплоченных подразделений» – в городских и сельских отделениях полиции; «в сплоченных подразделениях» – в составе антипартизанских рот, батальонов и полков; охранная пожарная служба; вспомогательная охранная служба²².

Штаты и функции органов полиции определялись местными комендатурами, районными и городскими управлениями. В частности, согласно директиве Главного военного управления Брянского округа от 21 декабря 1942 г., в деревнях следовало держать по 3–5 полицейских, в волостях – по 10–20 человек, в райцентрах «полицейский запас» насчитывал одну сотню, а в городах уездного подчинения количество полицейских определялось местными условиями и практической необходимостью²³. Так, трубчевская полиция, подчиненная райуправлению, состояла из 100 человек, кроме того, был создан «полицейский запас», предназначавшийся «для борьбы с мелкими партизанскими бандами»²⁴.

Существовавшие при волостных управлениях отделения полицейской стражи имели двойную систему подчинения – волостной управе и районному управлению. Количество полицейских, подчиненных волостной управе, составляло в среднем 20 человек. Для охраны порядка в Трубчевском районе создали «полицейскую стражу», 80 сотрудников которой были разбросаны по сельским населенным пунктам по 1–3 человека в каждом и, как правило, с укомплектованными штатами полицейских учреждений²⁵. О численности вспомогательной полиции на территории России можно судить лишь приблизительно. Согласно немецким данным, на декабрь 1941 г. в полиции служили 60 420 советских граждан²⁶. Только в Смоленской обл. на начало 1943 г. было 3 тыс. полицейских²⁷. По подсчетам С.И. Дробязко, на февраль 1943 г. численность полиции в зонах ответственности групп германских армий «Север», «Центр» и «Юг» составляла 60–70 тыс. человек²⁸, в то время как, по мнению Б.В. Соколова, для эффективного контроля над оккупированными территориями требовалось не менее 450 тыс. (однако неясен механизм такого подсчета)²⁹.

Органы полиции наделялись исполнительными функциями, находясь в полном подчинении соответствующих органов местного самоуправления. Так, в директиве Главного военного управления Брянского округа указывалось, что «организация, содержание и командование полицией – задача управлений (городских и районных)»³⁰. Местные бургомистры отвечали за надлежащее использование органов полиции, контролировали неукоснительное соблюдение ими немецких предписаний. Одновременно полиция была подотчетна германским властям. В частности, в ряде городов и районов начальники полиции обязывались представлять в военные комендатуры суточные рапорты о происшествиях³¹.

В «Предписании для службы порядка» говорилось, что полицейские не имели права производить служебные действия в личных интересах или в пользу третьих лиц. Служба порядка не могла наказывать и штрафовать³², имела право арестовывать только гражданских лиц по приказанию своего начальства. Аресты по собственному усмотрению разрешались в случаях поимки лиц на месте преступления, находившихся в розыске людей, бегства подозрительных, невозможности установления личности, нападения на полицейских, их оскорбления. Арестованных сразу же доставляли к начальнику полиции, который немедленно извещал об этом немецкие полицейские органы (полицию охраны)³³. Конфискацию и обыски разрешалось проводить только с ведома немецкой полиции охраны или командования немецкой воинской части. Лишь в исключительных, не терпящих отлагательств случаях (при возможности сокрытия следов преступления) разрешение на обыск или конфискацию давал бургомистр³⁴. Применять оружие разрешалось лишь для самообороны, при преследовании лиц, не останавливающихся на оклик, а также для защиты охраняемых материальных ценностей³⁵.

Контингент полиции состоял как из убежденных противников большевизма, так и людей, поступивших на службу с целью получения выгод экономического характера или же уклонения от отправки на работу в Германию³⁶. Так, в декабре 1942 г. бургомистр г. Севска Бакшанский издал приказ об отмене льгот для полицейских, которые до этого были освобождены от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов³⁷. В результате полицейские сел Степное, Антоновка, Белица отказались от несения службы, а шестеро из них ушли к партизанам³⁸.

На руководящие посты и ответственные должности в полиции обычно назначались представители местной интеллигенции, гражданского населения, а также лица, знакомые с юриспруденцией³⁹. Например, начальником районной полиции г. Россошь был бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции – бывший бухгалтер аптечной базы Стотик⁴⁰, в полиции Калининского района работала бывший народный судья, член ВКП(б) с 1927 г. А.В. Сергеева⁴¹. Рядовой состав полиции в социальном отношении в основном копировал структуру той или иной местности: на селе полицейские рекрутировались из бывших колхозников, в городах – из представителей рабочего класса. Решение о назначении на должности начальников отделений, подотделов полиции и их заместителей принимали отделения немецкой полиции безопасности и военные управления округов⁴². В дальнейшем назначенные руководители органов полиции работали под непосредственным началом городского или районного головы (бургомистра)⁴³. Особых предписаний на счет рядового состава не имеется, поэтому можно предположить, что комплектование органов полиции возлагалось на их руководство, назначенное немцами, а также на органы местного самоуправления. Каждый коллаборационист, поступавший на службу в полицию, подписывал служебное обязательство установленного образца, судя по стилистике, разработанное немцами: «Обязуюсь должность выполнить добросовестно и беспартийно, согласно служебных предписаний, с которыми я ознакомлен. Я обязуюсь беспрекословно слушаться моего начальства»⁴⁴.

Начальствующий и рядовой состав полиции обучались под надзором немецкой полиции безопасности или военного управления соответствующего округа⁴⁵ как на местах, так и в специальных школах, создававшихся в пределах административных округов. В течение, в среднем, 2 недель⁴⁶ курсантов обучали, как вести себя по отношению к населению и своему начальству, составлять донесения, знакомили с правилами уличного движения, караульной службы, обращения с оружием⁴⁷. При нарушении дисциплины полицейских наказывали. За проступки незначительной тяжести взыскание в виде сверхурочных дежурств мог наложить начальник соответствующего отделения службы порядка, о чем делалась запись в книге наказаний и немедленно доводилось до сведения бургомистра. О проступках значительной тяжести, особенно совершенных при исполнении служебных обязанностей, бургомистр сообщал в немецкую полицию безопасности или командованию немецкой воинской части, которые и определяли наказание. С целью предотвращения бегства провинившегося полицейского бургомистр имел право арестовать его⁴⁸.

Служащие полиции получали зарплату за счет органов местного самоуправления соответствующего населенного пункта по следующим ставкам в день: начальник службы порядка – 10 руб.; его заместитель – 7 руб. 50 коп.; полицейский (страж) – 5 руб.; начальник службы порядка, имеющей подотделы, – 15 руб., его заместитель – 12 руб. 50 коп., начальник подотдела – 10 руб.⁴⁹

Полиция помимо штатных сотрудников располагала широкой сетью наделенных различными функциями осведомителей. Одним из них вменялось в обязанность лишь информировать полицию обо всем подозрительном, что ими было замечено. Другие же использовались в качестве агентов, засылаемых в организации для сбора соответствующей информации и передачи ее полиции. Оценивая эффективность работы полицейских агентов, Г. Глазунов отмечал, что без них немцы зачастую становились совершенно бессильны в борьбе против подполья. Так, пытаясь ликвидировать организацию «Молодая гвардия» в г. Красnodоне, гестапо проводило бесчисленные аресты, однако все меры оказались тщетны. Лишь деятельность агентуры помогла выйти на след этой организации, арестовать ее руководство⁵⁰. Функции осведомителей исполняли и руководители предприятий. Г. Почепцов, например, из-за которого была разгромлена «Молодая гвардия», показал на суде, что предпочел доносить на руководство организации не в полицию, а начальнику шахты Жукову. При этом нисколько не сомневался, что последний обязательно примет необходимые меры. Так и произошло – заявление Почепцова незамедлительно передали полиции⁵¹.

Полицейскими функциями наделялись и сотрудники органов местного самоуправления. В июне 1943 г. в Усвятском районе Смоленской обл. в партизанском отряде Ермолаева были расстреляны кандидат в члены ВКП(б) В.Т. Буков (бывший председатель колхоза «Красный путиловец»), А.Л. Шитиков (бывший бригадир колхоза), П.Ф. Шутров (бывший бригадир полеводческой бригады), члены ВКП(б) М.И. Мионов (бывший завуч средней школы), П.П. Прошин (бывший старший механик МТС), Р. Л. Шандаевский (бывший заведующий РАЙФО Усвятского района). Все они, поступив на должности старост и волостных старшин, за исключением А. Л. Шитикова, служившего полицейским, являлись агентами полиции, неоднократно водили карательные отряды в места дислокации партизан⁵².

Ввиду децентрализации органов полиции и ее личного состава не было единой формы одежды, различия существовали даже в пределах той или иной области. Например, полицейские Восточного района Смоленской обл. носили немецкую форму с белой повязкой на рукаве, полицейские Знаменского района – красноармейскую форму с такой же повязкой. Полиция других районов Смоленщины вообще не имела форменного обмундирования, отличительным знаком была лишь та же нарукавная повязка⁵³. Каждая повязка имела порядковый номер и заверялась оттиском печати местной комендатуры⁵⁴. Однако в большинстве тыловых районов группы армий «Центр» ношение полицейскими форменного обмундирования не предусматривалось. Единственным отличительным знаком была белая нарукавная повязка с надписью «Ordnungsdienst», личным номером полицейского и названием населенного пункта. Номер нарукавной повязки вносился в служебное удостоверение, которое каждого сотрудника полиции обязывали иметь при себе, причем этот документ был действителен лишь при наличии советского паспорта или удостоверения личности⁵⁵.

Оценку эффективности работы полицейских дал в своем донесении от 3 декабря 1942 г. начальник тылового района группы армий «Центр»: «Полиция повсеместно хорошо зарекомендовала себя и сегодня является существенным фактором для умирения страны... Сегодня уже нельзя обойтись без помощи местной полиции в деле умирения населения»⁵⁶. Вышедший из окружения лейтенант, Герой Советского Союза П.Е. Брайко, ставший впоследствии командиром партизанского полка, вспоминал: «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев. Немец – это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила»⁵⁷.

Однако полиция часто не обеспечивала должного порядка в оккупированных городах и селах, не всегда могла обезопасить их от партизан. А при инспектировании полицейских управлений и станов довольно часто отмечались недостатки, недисциплинированность полицейских. Причем такие случаи возросли с июля 1943 г., когда положение на фронте изменилось в пользу Красной армии, что привело к деморализации личного состава полиции. Военная комендатура г. Погара Орловской обл., например, 2 августа 1943 г. констатировала: «В последнее время стали неоднократно замечаться случаи, что стрелки службы охраны порядка, будучи в пьяном виде, с оружием в руках наносят угрозы мирному населению»⁵⁸. Подобно сельским старостам, полицейские в селах и их семьи были заложниками нацистов. Так, при переходе полицейского к партизанам его семью репрессировали. Нередко заложниками становились сами служащие вспомогательной полиции – если их сослуживцы «предавали начальство», то оставшихся полицейских отправляли в лагеря или расстреливали⁵⁹.

Судебная система на оккупированной территории формировалась поэтапно. Первым органом, наделенным судебными полномочиями, стал институт мирового посредничества в сельских общинах, введенный, в частности, в тыловых районах группы армий «Центр» с ноября 1941 г. Как в городах, так и в общинах германские власти с помощью местных коллаборационистов создавали «посреднические мировые места»⁶⁰. Каждое из них включало бургомистра города (председателя), его заместителя и двух заседателей. Трех последних назначал бургомистр из числа благонадежных, обладавших достаточным образовательным уровнем лиц старше 30 лет, проживших

в данной местности не менее двух лет. Должности заместителя председателя и заседателей являлись почетными, т.е. зарплаты за отправление правосудия эти лица не получали⁶¹.

К компетенции «посреднических мировых мест» относились лишь гражданские дела по спорам, вытекающим, как правило, из имущественных правоотношений⁶². Ввиду отсутствия какой-либо нормативной базы, командующие административными округами рекомендовали рассматривать дела «под взглядом здравого народного ощущения»⁶³, т.е. согласно обычаям, принятым в той или иной местности. Судебный процесс носил состязательный характер. При этом предусматривалось равенство сторон, свобода представления доказательств⁶⁴. Кассационной инстанцией являлся бургомистр, который рассматривал каждую поступившую жалобу единолично. Утвержденное им решение дальнейшему обжалованию не подлежало. По гражданским делам, представлявшим особую сложность, а также при цене иска свыше 2 тыс. руб. бургомистр принимал исковые заявления к производству, однако вне зависимости от поступления жалоб, передавал материалы дела и вынесенные им решения в полевую комендатуру для утверждения⁶⁵. Председатель «посреднического мирового места» мог по своему усмотрению взыскать за рассмотрение дела пошлину, размер которой определялся произвольно, с учетом материального положения истца, но не превышал 50 руб.⁶⁶ Поскольку о ведении «посредническими мировыми местами» уголовных дел в архивных документах не упоминается, правомерно предположить, что вопросы уголовного судопроизводства находились вне компетенции коллаборационистских судебных учреждений. Подобными вопросами либо занимались военные комендатуры, либо к виновным применялись чрезвычайные меры.

До организации судебных органов в волостях соответствующими полномочиями наделялись волостные старшины, которые единолично разбирали мелкие уголовные дела. Наказания ограничивались штрафом до 1 тыс. руб., тюремным заключением или принудительными работами на срок до 14 дней⁶⁷. Приговоры волостных старшин вступали в силу только после утверждения их бургомистром района и Ортскомендатурой⁶⁸. Затем право налагать подобные наказания отошло к волостным судам. Собственно суды в большинстве оккупированных областей РСФСР начали функционировать с декабря 1941 г. Однако в различных местностях они были структурно неоднородны. Даже их названия, несмотря на общность функций, различались: «суды», «мировые суды», «арбитражные суды», «уголовные суды»⁶⁹. Судебная система была двухступенчатой. Низшей ступенью являлись мировые (волостные) суды, рассматривавшие уголовные, гражданские и административные дела в качестве судов первой инстанции. Судами второй инстанции были районные или окружные суды, решения которых считались окончательными и дальнейшему обжалованию не подлежали.

Такая судебная иерархия формировалась постепенно. Например, Орловский городской суд, организованный к декабрю 1941 г., являлся единственным судебным органом в районе, все его решения носили окончательный характер⁷⁰. На территории Брянского округа первоначально были организованы лишь волостные арбитражные суды. К июню 1943 г. они действовали в 5 волостях из 17: Белых Берегах, Супоневе, Глинищеве, Трубочине, Б. Полпине⁷¹. С октября 1942 г. начал работу Брянский районный арбитражный суд, состоявший из председателя и двух членов, ставший вышестоящей инстанцией по отношению к волостным арбитражным судам. В его функции помимо надзора за работой нижестоящих судов входило рассмотрение в качестве суда первой инстанции дел о преступлениях против личности, имущества, злоупотребления служебным положением, нарушениях обязательных постановлений органов местного самоуправления и др.⁷² С октября 1942 г. по май 1943 г. состоялось около 100 судебных заседаний⁷³.

Германское командование, пытаясь придать судебной системе в своих тыловых районах единообразие, выпускало различные инструкции по организации судопроизводства, обязательные для исполнения органами местного самоуправления. Так, в конце 1942 г. командованием 2-й танковой армией был издан документ «Судопроиз-

водство в русских органах управления»⁷⁴, согласно которому обязанность организации мировых судов всех уровней всецело возлагалась на органы местного самоуправления, начиная от волостных управ. Низшей ступенью являлись мировые суды общин (волостные мировые суды), которые создавали в тех краях, включая мелкие города, где это было оправдано местными условиями и наличием соответствующих кандидатов на должности судей⁷⁵. В случае невозможности организации мирового суда в какой-либо общине (волости), с разрешения командующего административным округом допускалось создание одного волостного мирового суда на несколько волостей⁷⁶. Волостной мировой суд состоял из председателя, его заместителя и заседателей, причем члены суда не должны были состоять между собой в родстве. Обязанности председателя исполнял волостной старшина, а на должности заместителя и заседателей назначались «только надежные мужчины и женщины, которые по степени своего образования и по возрасту удовлетворяют требованиям к должности и являются коренными жителями общины». Назначение производил командующий административным округом, сообщив ему причину, районный бургомистр мог уволить любого члена суда. Должности заместителя и заседателей являлись почетными, зарплаты не полагалось. Однако волостным управлениям разрешалось выделять заместителю и заседателям вознаграждение⁷⁷.

Волостным мировым судам были подсудны мелкие уголовные дела, по таким фактам, как воровство, при котором сумма ущерба не превышала 100 руб., оскорбление, не направленное против должностных лиц, нарушение общественного порядка. Эти суды налагали наказания в виде штрафа до 1 тыс. руб., ареста до 11 дней, исправительных работ до 14 дней. Из гражданских дел волостным мировым судам разрешалось рассматривать споры: имущественные, при цене иска до 500 руб., жилищные и о распределении работ между членами семьи⁷⁸.

Следующая ступень – районные мировые суды, которые создавались в каждом районе и городе областного подчинения. В состав этого суда входили председатель, один или несколько заместителей, заседатели. Требования к кандидатам на эти должности совпадали с требованиями к кандидатам на должности членов волостных судов, с той разницей, что для председателя и заместителей председателя районного суда было желательно наличие юридического образования, заседателей рекомендовалось вводить из числа служащих городских и районных управ. Запрещалось назначать на судебские должности бывших членов Коммунистической партии. Кандидаты в районные судьи выдвигались районными и городскими бургомистрами, после чего утверждались командующим административным округом⁷⁹. К подсудности районных мировых судов относились все уголовные и гражданские дела, за исключением преступлений, направленных против германской армии, и особо тяжких преступлений (убийство, разбой, преднамеренный поджог, растрата на сумму свыше 5 тыс. руб.)⁸⁰. Эти суды имели право налагать наказания в виде штрафа до 10 тыс. руб., тюремного заключения или принудительных работ на срок до 1 года, конфискации предметов, используемых для совершения преступления⁸¹. Районные мировые суды являлись кассационными инстанциями по отношению к волостным судам, а обжалование решений и приговоров районных судов не предусматривалось. Однако их судебные решения, а также мировые соглашения («полюбовные сделки») вступали в силу только после их утверждения командующим административным округом⁸².

Процессуальное законодательство в общих чертах копировало положения советских уголовно-процессуального и гражданско-процессуального кодексов, за исключением особенностей, продиктованных установками национал-социализма и условиями оккупации. Так, судам всех уровней запрещалось принимать к производству бракоразводные дела. Исключение составляли лишь дела о разводах с евреями⁸³. Неподсудны волостным и районным мировым судам были и дела лиц немецкого происхождения, военнослужащих РОА и других русских добровольческих частей, полицейских, служащих органов местного самоуправления, а также советских военнопленных. Дела этих категорий лиц разбирались германскими судебными органами⁸⁴. При подаче за-

явления в суд уплачивалась пошлина: в волостной мировой суд – 20 руб., в районный мировой суд – от 20 до 500 руб., в зависимости от суммы иска⁸⁵. При подаче заявления об административном проступке пошлина составляла 5 руб.⁸⁶

Уголовное законодательство также копировало ряд положений Уголовного кодекса РСФСР, с той разницей, что наказания были значительно смягчены. В частности, «Временное положение о наказаниях, налагаемых судами Клинцовского округа» по особо тяжким преступлениям относило умышленное убийство, каравшееся тюремным заключением на срок до 3 лет (ст. 80), половые преступления, включая развращение малолетних, наказание за которые не превышало 2 лет тюремного заключения (ст. 92)⁸⁷. К преступлениям средней тяжести относился ряд должностных преступлений, например, злоупотребление властью, грозившее тюремным заключением на срок до 6 месяцев (ст. 62)⁸⁸. Противоправные действия против порядка управления относились к преступлениям небольшой тяжести. Так, неуплата налога (сбора) каралась штрафом в размере тех же платежей, а при рецидиве – принудительными работами на срок до 3 месяцев (ст. 34)⁸⁹.

Интересно, что некоторые проступки, согласно указанному «Временному положению», были впервые в истории российского права советского периода отнесены к преступлениям. Так, ст. 94 предусматривала уголовную ответственность за супружескую неверность, что каралось тюремным заключением или принудительными работами на срок до 6 месяцев. Денежным штрафом до 3 тыс. руб. или тюремным заключением на срок до 6 месяцев каралось оскорбление религиозных чувств верующих. Помимо простого оскорбления, включенного в раздел преступлений против личности, в разделе преступлений против семьи и брака появилась ст. 100, предусматривавшая ответственность за оскорбление родителей словом (ч. 1) или действием (ч. 2). Наказание, соответственно, колебалось от 3 до 6 месяцев тюремного заключения⁹⁰.

Однако в ряде оккупированных местностей полномочия русских судов были ограничены как в смысле подсудности, запрету принятия к производству дел об особо тяжких преступлениях, так и по характеру налагаемых наказаний. Например, санкции статей, которыми руководствовался Орловский городской суд, предусматривали наказание до 6 месяцев тюрьмы или штраф в размере до 1 тыс. руб. Дела о тяжких преступлениях (убийствах, разбоях, по политическим статьям) были неподсудны горсуду и преследовались по законам военного времени⁹¹. Такое положение сохранялось на территории Орловского округа вплоть до окончания его оккупации.

Помимо судебной системы на оккупированной территории РСФСР были сформированы и действовали другие правовые институты: исполнительная система, адвокатура, нотариат. Исполнение приговоров по уголовным делам возлагалось на председателя соответствующего суда. Так, исполнение приговора о взимании денежного штрафа, о краткосрочном лишении свободы осуществлял председатель мирового суда, определившего наказание. В случае осуждения к лишению свободы на продолжительный срок копия приговора, заверенная командующим административным округом, а также исполнительный лист направлялись начальнику соответствующего исправительного учреждения⁹².

Что касается гражданских дел, то в случае, если проигравшая сторона отказалась добровольно исполнить судебное решение, также в обязательном порядке предшествовала выписка исполнительного листа. Такая же процедура существовала при выполнении условий «полюбовной сделки» (мирового соглашения), если впоследствии одна из сторон отказалась от их исполнения. Непосредственное исполнение решения осуществлял председатель соответствующего суда или лица, им назначенные – судебные исполнители. В течение 3 суток со дня получения исполнительного документа судебный исполнитель посылал плательщику повестку, в которой указывались основание взыскания, взыскиваемая сумма, определялся срок для добровольной уплаты, а также разъяснялись последствия неуплаты. При отказе добровольно заплатить надлежащую сумму взыскание производилось принудительно. Общий надзор за исполнением су-

дебных решений осуществлял бургомистр района, причем даже в тех случаях, когда он одновременно являлся председателем районного суда⁹³.

Для оказания юридической помощи, представительства в гражданских процессах, защиты подсудимых с января 1943 г. был узаконен институт представительства. В качестве представителей с присвоением звания «адвокат» допускались лица с юридическим образованием, «лично благонадежные», ведущие безупречный образ жизни. Кандидатов на должности адвокатов проверяло командование административным округом, а вопрос о допуске в процесс того или иного адвоката решал соответствующий суд. Препятствием к допуску могло служить лишь представление одновременно нескольких сторон, если их интересы, отстаиваемые в суде, расходились⁹⁴. Помощь адвоката была платной. Размер сборов за оказание юридических услуг оговаривался в каждом конкретном случае между адвокатом и представляемой им стороной. По просьбе адвоката или воспользовавшегося его услугами лица, независимо от того, в суде какой инстанции слушается дело, размер сборов утверждался председателем районного суда. В этом случае требовалось дополнительное утверждение взимаемой адвокатом суммы со стороны командующего административным округом⁹⁵.

Для заключения разного рода договоров, оформления сделок и составления юридически значимых документов по мере надобности открывались нотариальные конторы. Требования к кандидатам на должности нотариусов были аналогичны требованиям к кандидатам на должности адвокатов: наличие юридического образования, безупречный образ жизни. Назначение нотариусов также осуществлялось командованием административным округом, и только оно могло освободить не оправдавшего доверие нотариуса от занимаемой должности. Размер взимаемых нотариусом пошлин также проходил двойное утверждение – со стороны председателя районного суда и командующего административным округом⁹⁶. Так, по Клинецкому административному округу ставки оплаты нотариальных услуг колебались от 5 до 100 руб.⁹⁷ Нотариусы подчинялись районным судам, ежегодно отчитываясь перед ними о проделанной работе. Общий надзор за деятельностью адвокатов и нотариусов осуществлял председатель районного суда⁹⁸. Интересно, что вставшим на путь коллаборации адвокатам и нотариусам разрешалось оказывать юридические услуги лицам, чьи дела были неподсудны русским судам (этническим немцам, советским военнопленным, власовцам, сотрудникам органов самоуправления, германским военнослужащим)⁹⁹.

Таким образом, в течение периода оккупации в захваченных германской армией областях РСФСР были сформированы новые правоохранные, судебные и юридические органы, в общих чертах копировавшие советские. Придать им стройность и единообразие так и не удалось, как и добиться назначения на соответствующие должности лиц с исключительно юридическим образованием ввиду ограниченности таковых на оккупированной территории. Кроме того, из-за отсутствия принципа разделения властей судебная власть в период оккупации являлась неким придатком германских оккупационных властей и созданных ими органов местного самоуправления.

Примечания

¹ См.: *Котов Л.В.* В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей. Вып. 2. М., 1970. С. 3–6; *Майоров Н.* Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие: Сб. статей. М., 1974. С. 200–213; Во главе защиты Советской родины: Очерк деятельности КПСС в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 222; *Феделов В.И.* Подвигу жить вечно. Тула, 1983. С. 28–42.

² *Дробязко С.И., Карацук А.В.* Русская освободительная армия. М., 1998.

³ *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945: Сб. статей. В 2 кн. М., 2004. С. 304.

⁴ *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 69–76.

⁵ *Смыслов О.С.* Проклятые легионы: Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006. С. 101–108.

- ⁶ Соколов Б.В. Оккупация: Правда и мифы. М., 2002. С. 72–88, 117–128, 304.
- ⁷ Чуев С.Г. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 89–106.
- ⁸ Рогачевский А.Л. Рецензия на книгу: Chiari B. Alltag hinter der Front. Dusseldorf, 1998 // Правоведение. 2000. № 4. С. 255–259.
- ⁹ Дробязко С.И., Карацук А.В. Указ. соч. С. 6.
- ¹⁰ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 102.
- ¹¹ Дробязко С.И., Карацук А.В. Указ. соч. С. 6.
- ¹² Пережогин В.А. Указ. соч. С. 304.
- ¹³ Тверской центр документации новейшей истории (далее – ТЦДНИ), ф. 479, оп. 1, д. 637, л. 49.
- ¹⁴ Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst (O.D.). Предписание для службы порядка. [Б. м. Б. г.] С. 2.
- ¹⁵ Там же. С. 3–4.
- ¹⁶ Речь (Орел). 1942. 25 июля, № 79 (109).
- ¹⁷ Государственный архив Брянской области (далее – ГА БО), ф. 2608, оп. 1, д. 14, л. 190.
- ¹⁸ Там же, л. 134.
- ¹⁹ Там же, л. 136.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, д. 21, л. 16 об.
- ²² Смыслов О.С. Указ. соч. С. 102.
- ²³ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 21, л. 16 об.
- ²⁴ Там же, л. 26.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 1061.
- ²⁷ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.
- ²⁸ Дробязко С.И., Карацук А.В. Указ. соч. С. 6.
- ²⁹ Соколов Б.В. Указ. соч. С. 31.
- ³⁰ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 21, л. 16 об.
- ³¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО) ф. Р-159, оп. 1, д. 1, л. 1–117.
- ³² Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 6.
- ³³ Там же. С. 7.
- ³⁴ Там же. С. 8.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.
- ³⁷ Севский листок (Севск). 1942. № 11 (декабрь).
- ³⁸ Чуев С. Указ. соч. С. 104.
- ³⁹ ТЦДНИ, ф. 479, оп. 2, д. 16, л. 83.
- ⁴⁰ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.
- ⁴¹ Пережогин В.А. Указ. соч. С. 293.
- ⁴² Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 4.
- ⁴³ Там же. С. 6.
- ⁴⁴ Там же. С. 6, 11.
- ⁴⁵ Там же. С. 5.
- ⁴⁶ Личный архив И.Г. Ермолова. Справка П. Балакирева об окончании Клиновской школы службы порядка (подлинник).
- ⁴⁷ Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 5.
- ⁴⁸ Там же. С. 7.
- ⁴⁹ Там же. С. 10.
- ⁵⁰ Глазунов Г. Это было в Краснодоне // Неотвратимое возмездие: Сб. статей. М., 1974. С. 170.
- ⁵¹ Там же. С. 170–171.
- ⁵² ТЦДНИ, ф. 479, оп. 2, д. 157, л. 2, 3, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 28, 41, 46.
- ⁵³ Пережогин В.А. Указ. соч. С. 300–301.
- ⁵⁴ Смыслов О.С. Указ. соч. С. 103.
- ⁵⁵ Dienstvorschrift für den Ordnungsdienst... С. 2–3.
- ⁵⁶ Чит. по: Пережогин В.А. Указ. соч. С. 304–305.
- ⁵⁷ Там же. С. 304.
- ⁵⁸ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 14, л. 236.
- ⁵⁹ Гогун А.С. Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941–1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний. М., 2004. С. 23.

- ⁶⁰ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 208.
⁶¹ Там же.
⁶² Там же, л. 208 об.
⁶³ Там же.
⁶⁴ Там же, л. 209.
⁶⁵ Там же, л. 209 об.
⁶⁶ Там же, л. 210.
⁶⁷ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 909, л. 153–155; ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 238.
⁶⁸ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 238.
⁶⁹ Там же, д. 21, л. 112; Речь. 1941. 10 декабря, № 3; 1943. 2 июня, № 82 (245).
⁷⁰ Речь. 1941. 10 декабря, № 3.
⁷¹ Там же. 1943. 3 июня, № 82 (245).
⁷² Там же.
⁷³ Там же.
⁷⁴ ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 200–205 об.
⁷⁵ Там же, л. 200.
⁷⁶ Там же, л. 201 об.
⁷⁷ Там же.
⁷⁸ Там же, л. 202.
⁷⁹ Там же, л. 201 об.–202.
⁸⁰ Там же, л. 202 об.
⁸¹ Там же.
⁸² Там же, л. 204–204 об.
⁸³ Там же, л. 203.
⁸⁴ Там же, л. 205 об.
⁸⁵ Там же, л. 204 об.
⁸⁶ Там же, л. 206 об.
⁸⁷ Там же, д. 21, л. 118.
⁸⁸ Там же, л. 116 об.
⁸⁹ Там же, л. 114 об.
⁹⁰ Там же, л. 119 об.
⁹¹ Речь. 1941. 10 декабря, № 3.
⁹² ГА БО, ф. 2608, оп. 1, д. 2, л. 205.
⁹³ Там же, л. 205, 216.
⁹⁴ Там же, л. 205.
⁹⁵ Там же, л. 205–205 об.
⁹⁶ Там же, л. 205 об.
⁹⁷ Там же, л. 225.
⁹⁸ Там же, л. 205 об.
⁹⁹ Там же.

© 2010 г. С. И. ВАСИЛЬЕВА *

ДЕРЕВНЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В 1941–1945 годах (на материалах Марийской АССР)

В общероссийской исторической литературе проблема заготовок сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны рассматривалась в основном в обобщающих трудах по истории крестьянства, в исследованиях Ю.В. Арутюняна, В.Т. Анискова, Н.Н. Шушкина, Г.Е. Корнилова и В.П. Мотревича и некоторых других работах. На материалах Марийской республики она исследуется впервые¹.

* **Васильева Светлана Ивановна**, старший преподаватель Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.